

В деревне Шанъюй, в родовом храме цзышу-ньюй, одна молодая девушка поспешно вбежала в помещение и, задыхаясь, заговорила высоким, взволнованным голосом с несколькими старушками, сидевшими на маленьком тёплом кане и перетирающими камнем старые отруби.

— Бабушки, у входа в деревню появились двое в белых траурных повязках. Там уже толпа собралась, я подошла послушать - говорят, у них мать вчера утром умерла, и хоронить её хотят у нас, в храме цзышу-ньюй. Но ведь цзышу-ньюй замуж не выходят, так откуда у неё такие взрослые сыновья?

Старухи переглянулись. Та, что была постарше остальных, отложила отруби в сторону и спросила:

— А какая у этой семьи фамилия, ты не разузнала?

Девушка, запыхавшись, плюхнулась на место и сделала несколько глотков воды - лицо у неё покраснелось от бега.

— Старшая бабушка, там одни мужики столпились. Мне тесно стало, да и запах от них... фу, прямо воняет. Я потому и не полезла ближе.

Старуха, которую называли старшей бабушкой, укоризненно ткнула её пальцем:

— Эх ты, эх ты... суетишься, носишься, а самое важное так и не спросишь.

Девушка хихикнула:

— Не сердись, бабушка, я сейчас ещё раз схожу, разузнаю.

Но старшая бабушка лишь махнула рукой, осталась сидеть на краю кана, опустив голову, тихо вздохнула и надолго погрузилась в раздумье. Спустя немалое время она вдруг с тяжёлым чувством закрыла глаза. И лишь потом произнесла:

— Не надо расспрашивать. Должно быть... это Цуйфэн вернулась.

Среди женщин-цзышу-ньюй бывали случаи, когда они по собственной воле покидали храм. Но единственной, кто даже после смерти хотел вернуться в родной храм, была её младшая сестра Цуйфэн - та, что до конца сохранила обет безбрачия, ни разу не вышла замуж, но в одиночку вырастила ребёнка.

Двое спустившихся с горы в белых траурных повязках у деревенских ворот - это были Жун Фэн и Бянь Хун. Мать Жун не дожила до Нового года. Вскоре после первого зимнего снега она тихо ушла во сне. Перед уходом она сняла тот женский головной убор, который носила с тех пор,

как стала растить Жун Фэна, и вновь уложила волосы в причёску цышу-нуй, словно давая ему понять: она возвращается домой.

Она однажды вышла за ворота храма и бережно вырастила ещё одну одинокую жизнь, доведя до конца эту неожиданно дарованную судьбой материнскую связь. А после, завершив всё мирское, настало время возвращаться. Там был её дом, там ждали многочисленные сёстры. При жизни им не суждено было вновь собраться вместе, зато после смерти они могли продолжить прежнюю близость.

Но чтобы отвезти мать Жун обратно, неизбежно приходилось иметь дело с людьми, а это было тем, в чём Жун Фэн не был силён и что, возможно, вызывало в нём откровенную неприязнь. И всё же ради матери он это сделал. Быть может, это и было её последним поручением сыну, словно она надеялась, что он сумеет вновь связать ту нить, что когда-то оборвалась между ним и человеческим миром.

Правда, путь оказался непростым. Стоило им вдвоём войти в деревню, как поначалу находились люди, готовые заговорить с ними, но, услышав имя Жун Фэна, тут же старались держаться как можно дальше. Его «слава» была хорошо известна, настолько, что люди его откровенно боялись и избегали, словно одного упоминания было достаточно, чтобы отшатнуться.

И именно тогда Бянь Хун вдруг подумал, что Ли-санлан, осмелившийся выдать свою дочь за Жун Фэна, возможно, и впрямь был человеком незаурядным. Если бы девушка сама не сбежала, он, похоже, был твёрдо намерен довести это дело до конца.

И без того погружённый в горе, с потемневшим лицом, Жун Фэн после этих раз за разом встречаемых отказов чувствовал себя всё тяжелее. Бянь Хун это видел и потому молча вышел вперёд, взяв на себя разговоры: он стучал в каждую дверь, спрашивал, где живёт деревенский староста. Сами по себе люди, глядя на Бянь Хуна, видели обычного человека, но стоило заметить за его спиной Жун Фэна, и двери почти не открывались.

Бянь Хун лишь вздохнул. Винить было некого: различие в представлениях слишком велико, а слухи, передававшиеся годами, давно сделали ложь правдой. Он как раз размышлял, как бы всё-таки найти хоть кого-нибудь для расспросов, когда позади вдруг раздался резкий окрик Жун Фэна:

— Вижу тебя! А ну, выходи!

Бянь Хун поспешно обернулся:

— Кто?

Жун Фэн уже сорвался с места и бросился вперёд:

— Ли-санлан, стой!

Ли-санлан и правда вышел было посмотреть, что за люди с траурными повязками появились в деревне: если у кого-то смерть, значит, будет поминальный стол, а в голодный год любая возможность поесть - удача. Кто бы мог подумать, что сегодня он, видно, вышел из дома, не глянув на календарь, и прямо нос к носу столкнулся с тем самым большим злым роком, который когда-то едва не перебил всю его семью.

— Ты за мной зачем гонишься?! — успел выкрикнуть Ли-санлан. — Уже же побил, просо вернул, невесту тебе отдали, чего тебе ещё надо?!

Он не успел сказать больше ни слова, длинноногий и быстрый мужчина в мгновение ока схватил его за ворот сзади.

— Спрошу кое-что.

Ли-санлан больше не осмелился бежать. Стиснув зубы, он уже приготовился к побоям, но вдруг услышал совсем другой вопрос:

— Где находится храм цзышу-ньюй?

В детстве Жун Фэн жил в деревне Шаньюй, но из-за своих необычных глаз и нелюдимого нрава почти не общался с деревенскими. Кроме того, что возвращался переночевать, большую часть времени он проводил в горах с наставником, и уж тем более не мог знать о месте, куда обычным мужчинам вход был запрещён, - храме цзышу-ньюй. Даже мать Жун, с тех пор как покинула храм, больше ни разу туда не возвращалась.

Увидев на них траурные повязки, Ли-санлан сразу понял, в чём дело. А услышав, что спрашивают именно о храме, немного выдохнул, осторожно выдернул ворот из руки Жун Фэна, поправил одежду и, заметно оробев, сказал:

— Кхм, сказал бы сразу. Идём за мной.

Бянь Хун тоже догнал их сзади. Жун Фэн всю дорогу молчал, а вот Бянь Хун сумел перекинуться с Ли-санланом парой слов и ещё раз поблагодарил его за то, что тогда помог разыскать Юаньдина и Гуаньбао.

Ли-санлан, видя, что Бянь Хун выглядит опрятным, спокойным и учтивым, словно начитанный и воспитанный юный господин, наконец осмелился заговорить откровеннее:

— Не мне, конечно, говорить, но если бы ваша старушка хотела лечь на деревенском кладбище предков, при желании да с зерном на подношения это ещё можно было бы устроить. А вот храм цзышу-ньюй - совсем другое дело. Туда не каждый войдёт, а уж тех, кто вышел и потом смог

вернуться, вообще по пальцам пересчитать. Те старухи упрямые до невозможности, каждая на своём стоит. Вам с ними непросто придётся.

Помолчав, он понизил голос и тихо спросил у Бянь Хуна:

— Слушай, парень, ты... в порядке? Живёшь нормально? Я ведь тогда правда не хотел толкать тебя в «огненную яму», не нарочно это вышло.

Бянь Хун посмотрел на Ли-санлана - на тень вины в его лице, на страх и скрытую неприязнь, с которыми тот говорил о Жун Фэне, и вдруг остановился, с необычайной серьёзностью произнес одну фразу.

— Он хороший. Вы просто его не знаете.

Ли-санлан опешил, но выражение лица у него осталось прежним.

— Это ты его не знаешь. Он ещё в детстве людей убивал, рубил насмерть, в клочья.

— Я знаю.

— А? — Ли-санлан совсем не ожидал такого ответа.

— Разве это не было заслуженно?

После этих слов Ли-санлан посмотрел в чёрные-чёрные глаза юного ланьцзюня и вдруг почувствовал, как от самых пяток вверх поднимается холод. В тот же миг он словно очнулся: этот Минь - беженец из голодных мест, да ещё и служивший в войске. Возможно, а то и наверняка, людей он убил больше, чем тот «живой бес» Жун Фэн с голубым глазом; а ел ли он человеческое мясо - за это Ли-санлани вовсе не поручился бы...

С этого мгновения он сразу притих, слова застряли в горле. Дальше он шёл, опустив голову, послушно и молча, и так проводил их двоих по узкой, извилистой тропе к храму цзышу-ной.

А в конце узкой тропы их уже ждали.

Средние ворота родового храма были распахнуты настежь. Небольшая группа женщин - и старых, и помоложе - стояла вместе; у всех были причёски, такие же, как у матери Жун, и на всех - белые траурные одежды.

Они подмели двор, зажгли по обе стороны входа два фонаря и теперь лишь ждали, чтобы их сестра, ведомая светом этих огней, смогла найти дорогу и вернуться домой.

<http://bllate.org/book/13502/1199905>